

ВСЕ ЗВЕРЬЕ

БОГДАН
ЖЕЛТОБРЮХ

— Песни на ваши стихи у Тамары Гвердцители, Льва Лещенко, Надежды Бабкиной... Да и сами вы пели в дуэте.

— Лет эдак 30 назад. На Днях культуры России в Узбекистане проходили грандиозные торжества, и мы с Люсей Зыкиной спелись! Не на сцене, конечно, а в непринужденной обстановке. Пели песни, которым нас учили наши мамы с папами. Голос, кстати, у меня наследственный, не зря же мой брат в театре Немировича-Данченко пел Кутузова.

— Римма Федоровна, поэты — люди особенные?

— Скажем так, не совсем нормальные. Покупала машину, мне все вокруг говорили: «Ты что, с ума сошла?!» Но машина меня научила организованности. Хотя случаи, когда, например, еду-еду на мост, а оказываюсь под мостом, для моей водительской практики типичны. Мозги-то настроены на поэтическое осмысление жизни, и в бытовом плане ты дурак дураком.

— Почему вы уехали из легендарного писательского дома в Безбожном?

— Просто с сыном разъехалась. В Безбожном была шикарная квартира — сто с лишним метров, пять комнат, три лоджии. Ее продали кому-то из Газпрома. Въехала в трехкомнатную на Новослободской, отремонтировалась, живя тут. Здесь был настоящий сарай! Вывезла шесть машин грязи, купила семь дверей из «железного» индонезийского дерева, которое тонет, плитку — \$25 за метр. До ума осталось довести лишь спальню и кабинет. Так что гостей принимаю на кухне — в лучших интеллигентских традициях.

— У вас уникальная коллекция зверюшек. Кто — откуда?

— Газель тунисская, козел богородский, мартышка кокосовая с Кубы, лошадка из веревочек — могилевская, ламочка перуанская. Привожу оттуда, где бываю. На память о Венесуэле — зверюшка, связанная индейцами из мягкого дерева. Это броненосец, из которого достают лекарства для лечения проказы. Вон тот золотистый верблюд — из Монголии, запечатлен в период, когда ухаживает за дамой.

— Экзотические места и их традиции вас не шокировали?

— В общем-то нет, сырое мясо ела неоднократно. В Эфиопии, например. Заедают этот «деликатес» просяной кашей, которая «уравновешивает» острое мясо. А в моей любимой Монголии есть обычай — в знак уважения тебе подносят табакерку из нефрита или кости. Ты должен понюхать табак и коробочку вернуть. Это значит, подружился. Когда в одной юрте мужчина протянул мне табакерку, я так добросовестно затянулась, что чихала аж до следующего утра. Писатели колотили меня по спине и приводили в чувство. А еще помню, были Дни литературы на Алтае и мы сидели в юрте — ели, пили, ели, пили. Наконец мне

ФОТО АНАТОЛИЯ ЛОМОХОВА

это однообразие страшно надоело, я взяла себе в компаньонки девушку-переводчицу, монголку по имени Солнечный Свет, и мы пошли купаться. Пользуясь тем, что все мужчины остались в юрте и как раз пили архи — хорошую пшеничную водку, я смело разделась и полезла в воду. Первое время было холодно, но стала быстро плавать, согрелась и, довольная, вышла на берег. Солнечный Свет все это время как-то странно смотрела на меня, потом вдруг сказала: «Я всегда уважала русских женщин, а теперь вы для меня идеал». Температура воды в этой речке не превышает двенадцати градусов.

— Вы, Римма Федоровна, вообще героиня! Говорят, вы даже на тигра амурского с телекамерой ходили?

— Тигров живьем не видела, слышала только, когда шла по тайге. Да и медвежий рев слышала, ух, страшно было... Меня больше волнуют коты на Охотском побережье. Или крабы. От-

Римма Казакова — личность легендарная. Автор нескольких поэтических сборников, первая и последняя женщина в должности секретаря правления Союза писателей СССР. Говорят, что именно поэтесса Казакова, написавшая суперхит конца 80-х «Мадонна» для Александра Серова на музыку тогда начинающего композитора Игоря Крутого, положила начало шоу-бизнесу в нашей стране...

РИММЫ КАЗАКОВОЙ

ловишь одного, крупненького, разобьешь. Самое вкусное — это клешня. А над тюленями мы, признаться, чуть-чуть издевались — уж больно глупые они. Посвистишь тюленю, он подплывет; а мы ему — щелчок в лоб. Тюлень под воду от неприятных ощущений скроется, а когда выплывет, можно обратно подзывать и по лбу щелкать, и так до бесконечности. Глупые! Но еще хуже крокодилы, с которыми я встречалась в заповеднике. Эти вообще безмозглые. Не представляю, как их можно дрессировать: он руку твою увидит — съест и не подумает. Льва видела только одного — личный лев короля Эфиопии. Король ушел в отставку, а лев постарел и сделался местной достопримечательностью. Его можно было обнимать, целовать, объезжать — такой он был старый и меланхоличный.

— Покатались на льве?

— Да я даже на верблюда не сяду — так боюсь зверья. Но были ситуации, когда никаким иным способом добраться до места назначения было невозможно. Например, из Карачи до столицы Пакистана — не дорога, а так, очень вязкий песок с тиной. Так что каталась на лошадках, на слонах приходилось ездить, но вообще-то их боюсь, как и всех остальных.

— Вы только зверья боитесь или навязчивых поклонников тоже?

— Да меня в метро не узнают, я ведь не телезвезда. Я бы такой жизни вообще не вынесла. Человек я стеснительный. Я предпочитаю затеряться в «стоге сена», почувствовать себя растворенной. Свет признаю только на эстраде, когда приходится читать стихи. А то вот сделала на стоянке такси женщине замечание, что она в обход очереди влезла, а она в ответ: «По телевизору вы производите более интеллигентное впечатление».

— Сочинять вы стали, наверное, в детстве?

— Лет в пять написала первое стихотворение. Посылала стихи в «Пионерскую правду», а мне отвечали: если можете не писать, лучше не пишите.

— Теперь пишете не только вы, но и ваш сын.

— Ни я, ни его отец не собирались воспитывать из Егора писателя. Просто он рос среди пишущих. Хотя однажды, когда сын был еще школьником, я проверяла уроки, и мне попался совершенно бездарный текст из учебника русской литературы. Я прочла сыну «Воздушный корабль» Лермонтова. Там очень трогательно рисуется судьба Наполеона. Ему страшно понравилось, и я сказала: «Наполеон завоевал Москву, и мы должны к нему от-

носиться плохо. Почему же он у нас вызывает добрые чувства?» Егор не знал, что ответить. «Вот, сынок, — говорю, — ты и столкнулся с первым эффектом и одной из загадок литературы: писатель нам так преподнес Наполеона, что мы увидели в нем личность, а не захватчика».

— Бытует мнение, что мамы ревнуют сыновей к их женам.

— У меня были две невестки, и с обеими отношения складывались не самые легкие. Однако семья моего ребенка — это его личное дело. Вот внуков я люблю. Старшему, Алеше, уже 16. Маше — семь. Внук и внучка зовут меня по имени. Иногда Маша у меня живет, Лешка приходит. Маша, такая непоседа, говорит мне: «Хочу жить с тобой всегда». Я ей говорю: «Ты смотришь мультик, а я хочу «Новости». Ты не разрешаешь, а должна считаться и с моим мнением». Она отвечает: «Ты права: если ты любишь «Новости», нам вме-

сте нельзя жить». А внук очень интеллектуальный, хотя, может, и слегка хулиганистый, как и все мальчишки. Однажды он меня спросил: «Как ты умудряешься находить общий язык с папой, со мной, с бабушкой и бабушкой?» Я говорю: «С ними не знаю как, а с тобой мы одного возраста». У нас же любимые герои — Арнольд Шварценеггер, Рутгер Хауэр. Правда, я плохо знаю фильмы Тарантино, и он меня за это слегка презирает. Так что надо подтянуться. Надо не бояться учиться у своих детей и признавать свои ошибки.

— Тем не менее сотрудничать вы предпочитаете с мэтрами...

— Ну напишу я что-нибудь для начинающего. Но чтобы песня зазвучала, одного текста и музыки недостаточно. Это вообще самая дешевая часть. Дальше нужно раскручивать. А это стоит немалых денег. Как сказал в «Акулах пера» мой коллега Михаил Танич, это справедливо. Но жизнь показывает, что при таком раскладе Ломоносовым в России ничего не светит.

— Не зря говорят: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами».

— Знаете, чьи это стихи? Лев Адольфович Озеров, замечательный поэт и человек. Я, как и он когда-то, веду рубрику в газете «Книжное обозрение», где печатаю в основном талантливую молодежь. Кроме того, в прошлом году мы открыли в Доме литераторов клуб одного стихотворения для молодых поэтов.

— В поэты еще идут?

— Года два назад Юрий Николаев в «Утренней звезде» проводил конкурс, и одна номинация была за лучшие стихи. Первую премию вручили 6-летней Дашеньке, которая совершенно очаровательна, поскольку еще не заморочена папой-мамой, властью и жизнью, а потому пишет то, что думает. Я тогда была членом жюри этого конкурса и поняла, что поэтами рождаются!

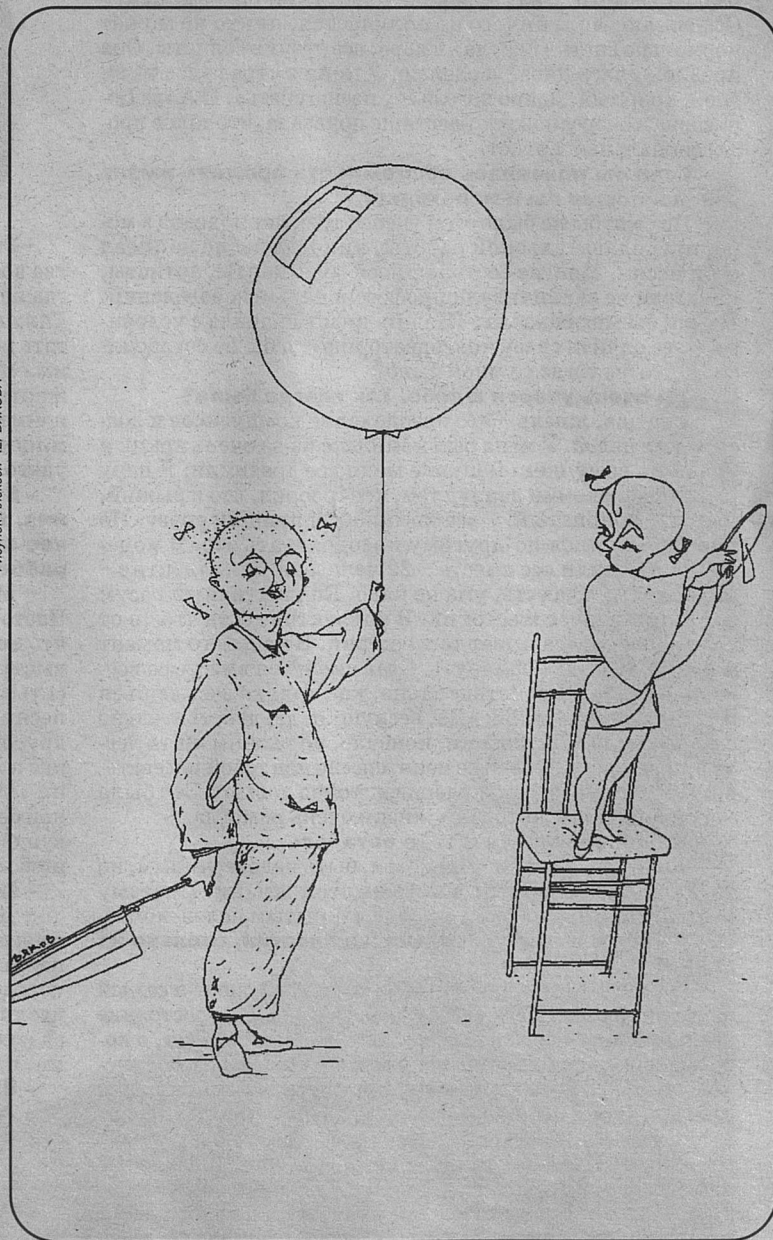

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА ЧЕРВЯКОВА